

БОГ, КОТОРЫЙ ЕСТЬ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Сходил вчера на фильм Ивана Вырыпаева «Спасение». Заинтересовала и тема, к которой обращается режиссер, и имя его самого, имя, как-то очень быстро возникшее и признанное в профессиональной среде. И вот посмотреть, что же теперь связано с этим заслуженно, я не сомневаюсь, громким именем, было важно.

В целом картина понравилась: легкое, но без легкомысленности, динамичное и остроумное кино. К тому же, в наше отвернувшееся от Бога время — еще и смелое обращение к этой теме, и поднятия из некоторого гламурного небытия таких отчужденных персонажей, как монахиня-миссионер.

Вырыпаев очень быстро запряг, совсем не в русской народной традиции, но слишком недалеко уехал и в раскрытии темы, и сюжетно. Было ощущение, что полтора часов режиссеру не хватило, и он по прошествии этого недолгого экранного времени поспешил ретироваться, то есть попросту «свалил» от зрителя, оставив его с чем-то вроде открытого финала. Вернее, времени хватило на прекрасную крепкую завязку и погружение в тему, в атмосферу ленты.

Великолепен диалог с рассуждением про сущность человека-пылесоса, но и он, и другие беседы, которые режиссер пытается подать чуть ли не вечными философскими вопросами, для меня, к примеру, таковыми не являлись. Говорившие застревали в очень интересных и дельных, конечно, рассуждениях где-то на полпути, приходя к «неразрешимости» проблемы в некоторый ступор с отчаянием. Не могли выбраться из этой темы. Впрочем, найти решение каждый должен сам, ведь, как пел Александр Галич: «Бойтесь того, кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Но вот финал. Сначала было ощущение легкомысленного «посылания» всего, отрешения от сложности жизни. Как пел Леннон: «It's so hard». Но потом подумалось иначе. Быть может, этим ответом героини на вопрос: «А что главное?» — в конце фильма («God exists» («Бог есть»)) автор картины хотел показать, что подобные сильные и громкие фразы часто произносят люди, возможно, действительно, понимающие Бога, но не смыслящие почти ничего в природе человека? Те люди, которых она не может просечь от сцены к сцене, оказывается беспомощной перед ними, не понимая их сути, и потому Бога своего представляет таким бессильным простаком.

Возможно, это кино об абсурде попыток спасения других теми, кого самих надо спасать и которым нужно лишь спастись? В том числе от других людей. Просто потому, что, осознавая, что Бог есть, — приходится помнить, что люди

тоже есть. И с ними нужно по-человечески или по-людски: кто чего достоин. Ведь богово — только Богу...

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ

Помните Бродского:

...и при слове «грядущее» из русского языка
выбегают мыши и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр дырявой.
После стольких зим уже безразлично,
кто или что стоит в углу у окна за шторой,
и в мозгу раздается не неземное «до»,
но ее шуршание. Жизнь, которой,
как дареной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

Бродский ценил Мандельштама и, если верить экспозиции Американского кабинета Иосифа Александровича, находящегося ныне в музее Анны Андреевны Ахматовой в Фонтанном доме, держал портрет славного акмеиста у себя на шкафу. К тому же, поэты были соразмерны и во многом соизмеримы, потому «нобелевский туняец» Бродский, конечно, знал, о чем говорил.

Осипу Эмильевичу повезло: часть речи его в контексте российской культуры осталась, и это довольно большая часть сказанного и проговоренного им за свои недолгие, в общем, годы. Вот о ней-то, об этой речи, которую он просил Надежду Яковлевну, свою жену, «сохранить навсегда», и снял свой экспериментальный фильм молодой тридцатипятилетний режиссер Роман Либеров.

Премьера картины «Сохрани мою речь навсегда» состоялась в российских кинотеатрах в октябре минувшего года. Мне же довелось ознакомиться с со-творенным командой проекта фильмом на день позже. Один из малых залов петербургского Дома кино был неполон, но занят теми, кто точно был в этом помещении неслучаен: для этой категории в афише находятся картины проще и понятней.

Полтора часа смеси мультипликации с ныне существующими графическими и визуальными решениями, озвученные прекрасными современными отечественными актерами, были поданы режиссерски умело, динамично, находчиво и вполне доступно.

Надо сказать, что практически ничего нового в биографии Мандельштама режиссер сказать мне не смог: комментарии Аверинцева к собранию сочинений великого поэта, читанные мной много лет назад, были и подробней, и дотошней. Но основные вехи судьбы Мастера были поданы и донесены до зрителя ненавязчиво, сжато, но емко. Симпатична сама манера подачи этой трагедии, манера новаторская и свежая.

Вообще, выход картины приурочен к грядущему в 2016 году стодвадцатипяти-летию поэта. И сама попытка памяти о «великом русском слове», которое когда-то обещала сохранить Анна Ахматова, очень правильна и настояща.

Как искренен и настоящ написавший саундтрек к фильму рок-музыкант и рэпер Noize MC. И дело не в том, что стиль его песен прибран из американской культуры ритмизованной поэзии: это всего лишь язык самовыражения, самовоплощения, на котором он говорит в традициях великой русской литературы, сострадательной и, по мере сил, милосердной.

Вспомните хотя бы его клипы. К примеру, тот, в котором музыкант перевоплощается в инвалида, доводящего свою жизнь до предсказуемого печального конца на свалке с бомжами. И обратиться к таким темам сейчас, во время культивирования псевдокультуры гламура, — это очень смелая попытка подлинности. Попытка следования традиции великой русской культуры, которая не могла быть безразличной к тому, что «человек за бортом», по Высоцкому.

Не могла сказать с иступленной радостью мелкой душонки обывателя: «Так ему, скуину сыну, пусть выбирается сам!» Она спускалась к проблеме «маленького человека» и то и дело оказывалась рядом с ним «На дне» вместе с Горьким или в «Мертвом доме» с Достоевским. И за это Нойзу и его команде, конечно, спасибо. Как и всем создателям фильма.

А вообще, это картина о человеке, который в юности заподозрил в себе настоящесть, хотя еще не был уверен в ней. Помните?

Я ходил по игрушечной чаще
И нашел там лазоревый грот.
Неужели я настоящий?
И действительно смерть придет?

И она, смерть, пришла. Правда, не в «игрушечной чаще», увы, а в пересыльном лагере на Дальнем Востоке. Пришла всерьез, как до этого всерьез пришла и прошла жизнь Осипа Эмильевича. И только она, эта страшная смерть в холодных верстах лагерной России, не оставила никаких сомнений: «настоящий». И это тоже в традициях русской культуры. Это наш код, код доступа к великому и прекрасному. И за попытку рассказать эту повесть о настоящем создателям картины спасибо.

